

*Переяшкин В.В.,
Переяшкина Л.Н.
(Пятигорск)*

**Роман У. Стайрона «И поджѣг этот дом»
в экзистенциалистской критике**

В середине XX века экзистенциализм становится не только господствующей философией в Западном искусстве, но и методологической основой, принятой многими литературоведами. Если первый роман Стайрона «Уйди во тьму» явно испытывал на себе влияние южной традиции, и таким образом имел иммунитет к экзистенциалистскому толкованию, то роман «И поджег этот дом» в силу своей внешней удаленности от канонов южной школы был практически единодушно, в той или иной степени, отнесен к разряду экзистенциалистских. Р. Дэвис, например, называет его «более или менее экзистенциалистским» [13: 44]. Д. Стивенсон полагает, что «сюжет романа развивается в экзистенциалистском мире» [5: 47]. Л. Лоусон считает, что экзистенциалистский элемент намного ярче психологизма первого романа «Уйди во тьму» [15: 55]. И. Хасан относит роман Стайрона к разряду произведений «экзистенциалистского духа» [10: 560]. «Явный отпечаток экзистенциализма» в романе «И поджѣг этот дом» отмечает и советский критик А. Мулярчик, однако при этом подчеркивает, что «реалистическая основа художественного видения, стремление к отображению жизни в её целостности и динамики развития, к познанию её внутреннего механизма ограничивает сферу воздействия экзистенциалистских концепций» [5: 105].

Его методология принципиально отличается от подходов американской критики прежде всего широким охватом материала и аккуратными философскими обобщениями, что всегда было характерно для отечественной школы литературоведения, лучшими образцами которой можно считать работы И.Г. Архангельской [1], Л.В. Витковской [2], С.П. Локтева [3], И.Е. Луниной [4], А.В. Татарина [9], И.Ю. Погореловой [6], Т.Д. Савченко [7], В.И. Шульженко [11] и др.

Влияние на своё творчество европейской литературы У. Стайрон неоднократно подчеркивал в интервью и мемуарах. Об отношении к современной французской литературе писатель говорит в письме к П. Бродину; «Среди современных авторов всех национальностей, включая американских, больше других на моё мироощущение повлиял А. Камю. Прежде всего я ценю его моральный пафос...» [18: 120]. Подобное «откровение» писателя существенно для литературоведа и является своеобразным ключом к тайнам его творчества, важным и необходимым, но в то же время недостаточным основанием для категоричных выводов об идейно-художественной направленности его произведений. Упоминание Стайроном А. Камю стало весомым аргументом для многих критиков, склонных причислить американского писателя к когорте экзистенциалистов. Например, Д. Гэллоуэй, манипулируя цитатами французского писателя, приходит к выводу, что главный герой романа Стайрона решает конфликт «интенции с действительностью» в свою пользу и подобно Сизифу, «примиряется со своей судьбой». В качестве вывода критик приводит фразу из «Мифа о Сизифе»: «Счастье и абсурд, равноправные дети одной земли ... “Всё хорошо”, - говорит Эдип. И эти слова святы. Они эхом отдаются в диком и замкнутом мире человека. Они учат, что не все потеряно. Они выгоняют из этого мира Бога, который пришёл с недовольством и любовью к тщетным страданиям. Это делает судьбу понятием человеческим, земным, которая творится людьми» [14: 74-75]. Таким образом. Черезприятие абсурда, по мнению Гэллоуэя, протагонист романа Касс Кинсолвинг приходит к пониманию необходимости просто «существовать». Подобная трактовка, на наш взгляд, является непоследовательной и оторванной от сюжета и диалектики характера главного героя. Американский критик не объясняет, в чем же заключается смысл жизни героя; а сложный философский разговор Касса с полицейским Луиджи в финале романа остаётся за рамками исследования. Гэллоуэй считает, что убийство Мейсона есть высшая точка проявления бунта главного героя и мотивирует это концепцией А. Камю из работы «Бунтующий человек»: «Каждый акт бунта выражает ностальгию по невинности и это есть обращение к сущности бытия. Но однажды эта ностальгия берет в руки меч и принимает ответственность тотальной вины, другими словами утверждает убийство и насилие» [14: 73]. Таким образом, обращаясь с одной стороны к «миролюбивым» тезисам «Мифа о Сизифе», с другой – «агрессивным» идеям «Бунтующего человека», американский критик не конкретизирует, а затуманивает сущность бунта главного героя, абстрагируя его от реальной действительности.

Американский литературовед Л. Лоусон, рассматривает роман Стайрона «И поджог этот дом» в контексте слияния идейно-эстетических принципов южной школы с философской системой С. Киркегора [15]. Особое значение учение этого датского философа имело для южной школы, поскольку во многом перекликалось с религиозными доктринами и критикой капитализма в манифестах «аграриев», которые выступали против тотального индустриализма. «Мы не протестуем против промышленности и науки и их разумной роли, пишет один из представителей этого движения Д. Дэвидсон, - мы выступаем против индустриализма, тирана, закабалившего и науку, и религию, и образование, и государство, сведя все принципы к одному – экономическому; и который стал разрушителем, готовым расколоть ход человеческой истории и угрожающим существованию общества» [12: 57-58]. Главную опасность

индустриализма для человечества аграрии видели к уничтожению природы и стандартизации личности. Эта идея близка к концепции Киркегора, который на столетие раньше заметил, что капиталистическая эпоха рационализма не только создала демократии в Британии и Соединенных Штатах, но имеет тенденцию к созданию массового человека и массового сознания, которые во многом связаны с массовым продуктом рационализированной индустрии. Лоусон, опираясь на философско-теологическое эссе Киркегора «Болезнь к смерти» (1849) положил в основу своего анализа теорию о видах отчаяния и слепой вере как единственной их альтернативы. Таким образом он прослеживает духовную эволюцию Касса по ступеням нравственного становления: эстетической, этической и религиозной. Убийство Мейсона Лоусон рассматривает как проявление отчаянного бунта против человека, олицетворяющего зло. В терминологии Киркегора это есть смена моральных состояний – эстетического на этическое, в результате чего, герой обретает силу, чтобы сделать выбор между «бытием» и «ничто». В этом ему помогает полицейский – оракул Луиджи (голос самого Бога). Таким образом, человек, выбравший добро как смысл своего существования, находится на пороге религиозного сознания и способен обрести слепую веру, подобно той, что заставила ветхозаветного Авраама решиться на ужасное жертвоприношение. На наш взгляд, слабым местом в доводах Лоусона является то, что все психологические состояния Касса рассматриваются в отрыве от конкретной среды, следовательно, сложный, противоречивый характер главного героя превращается в мировую универсалию, то есть абстракцию, применимую к любому человеку, существующему в мире, независимо от конкретных социально-исторических условий. Изящная манера исследования, логичность параллелей между тезисами киркегоровского эссе и жизненными перипетиями Касса Кинсолвинга, а также актуальность социально-философского контекста принесли работе Лоусона популярность среди ученых южного направления, назвавшем роман религиозно-экзистенциалистским, а его героя, Касса Кинсолвинга, определили как тип «киркегоровского человека отчаяния».

Безусловной заслугой сторонников «философии существования» является стремление проникнуть во внутренний мир человека, объяснить мотивы его поступков, что, несомненно, придавало им положительное значение в условиях искусственного выхолащивания из природы личности духовных ценностей и нравственных императивов. Нельзя отрицать того факта, что в романе Стайрона присутствуют элементы экзистенциализма. Это «мотив бегства и возвращения», «проблема выбора между бытием и ничто», «поиск свободы», «активное использование мифологем», а также тема «бесплодной земли». Не отрицая наличие экзистенциалистского элемента в романе, мы полагаем, что его идейно-художественный мир далеко выходит за рамки философии существования. Проблемы человеческого бытия, смысла жизни, взаимоотношение человека и общества не новы в мировой художественной практике; к ним обращались все великие писатели мира, а не только экзистенциалисты, поэтому рассмотрение стайроновского романа как сугубо экзистенциалистского сужает его идейное содержание и лишает позитивного морального пафоса. Итогом духовной эволюции героя стали его слова в финале книги: «И если по правде, то скажу вам так, что касается бытия и небытия, я понял одно, а именно: что выбирать между ними – значит просто выбирать бытие не ради бытия и даже не из любви к бытию. А тем более не из желания быть вечным – а в надежде побыть тем, кем я мог бы быть. Это было бы неслыханным счастьем» [8: 165].

В этой простой лаконичной и в то же время насыщенной отголосками душевных мучений в беседе в другом Касс не только говорит о сделанном выборе, но и подчеркивает, что бытие для него не просто существование во времени и пространстве, то есть «сизифово примирение» с действительностью и не обретение слепой веры в Бога, а неустанный *поиск*, стремление к положительному идеалу. Понятие «жить» для

героя – категория не абстрактная, а конкретно-историческая, исполненная глубоким нравственным и социальным смыслом. Что особенно наглядно проявляется в отношении Касса к своей родине Америке. Ранее нами уже отмечалось, что антагонизм Касса и Мейсона символизирует неприятия главным героем ценностей буржуазной цивилизации. Однако Америка, олицетворяемая Мейсоном, не является в романе единственным образом великой и богатой страны. Для отца Питера Леверетта – воинствующего южанина – это страна моральной и духовной анархии. «Прыткой, воспаленной, хмельной от собственного преуспеяния, запруженной кочевниками, людьми без роду и племени» представляется она его сыну Питеру. Для незадачливой, покорно несущей свой крест жены Касса, – это «песчаные берега Делавера, дом и мама»; для итальянских крестьян – символ экономической экспансии, а для отца Франчески – страна процветания, земля обетованная. Сложной многоликой метафорой живет Америка в сознании Касса. Главное действие романа происходит в Италии на небольшой сценической площадке в городке Самбуко за тысячи километров от берегов США. Но, тем не менее, в каждой детали этого ограниченного пространства чувствуется дыхание Америки: искусственные декорации, одноликие голливудские звезды, вульгарные, фальшивые отношения. Именно от всего этого Касс тщетно ищет спасения в Европе и живёт здесь не для разрешения какого-то абстрактного внутреннего конфликта. Его цель – не «сизифово счастье». Жизнь Касса наполнена конкретным содержанием, объединяющим моральное и социальное начала. Существенен и тот факт, что лежащая в основе нравственного выбора Касса Кинсолвинга самопознание – процесс, не ведущий к самоизоляции человека, как мы это видим в романах Мейлера, Сэлинджера и Апдайка. Отчуждение неприемлемо для героев Стайрона и ведет их к неминуемой гибели (напр., Мильтон и Пейтон Лофтисы). Наоборот, ощущение себя частью огромного человеческого мы – гражданином своей страны – становится решающим фактором духовных сил человека. Символична в этом смысле и фамилия героя – Кинсолвинг, которую можно перевести как «обретение родственных связей». Большим человеческим мы для Касса становится его родина – Америка. Много в ней зла, много в ней неприемлемого, но отчаяние, отступление от борьбы, бегство – есть измена самому себе и моральная безответственность. Сущность отношения героев Стайрона к проблеме репатриантства и отчуждения лаконично сформулировал американский критик Р. Моррис: «Томас Вулф сказал, что мы все потеряны в Америке, – Стайрон говорит, что мы еще больше потеряны вне её» [16: 19]. В этом заключается главная идейно-философская особенность мировоззрения У. Стайрона как представителя южной традиции в общенациональной литературе США.

Библиографический список

1. Архангельская И.Б. Феномен «южного Ренессанса» и литература американского Юга в 20-30-х гг. XX века // Вестник Нижегородского университета им. Л.И. Лобачевского 2012, № 6(1), с. 304-309.
2. Витковская Л.В. Когниция и образ автора в интерпретации смысла. Литературоведение XXI века. Москва, 2016.
3. Локтев С.П. Россия и Испания: диалог литературных эпох // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 4. С. 193-195.
4. Лунина И.Е. Художественный мир Дж. Лондона: мон-фия. М.: МГОУ, 2010. 410 с.
5. Мулярчик А.С. Современный реалистический роман США 1945-1980. М.: ВШ, 1988.174с.
6. Погорелова И.Ю. Авторская стратегия в метапоэтическом дискурсе русской литературы // Актуальные направления научных исследований XXI в.: теория и практика. Сборник научных трудов по материалам международной заочной научно-практической конференции. Воронеж, 2015. № 1. С. 320-326.

7. Савченко Т.Д., Шульженко В.И. Развитие коммуникативной компетенции у студентов на основе новых образовательных технологий: из опыта работы. // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2013. № 1 (12). С. 146-150.
8. Стайрон У. И поджжёт этот дом // Новый мир, 1982, №1. С. 101-159; №2 С. 158-206; №3. С. 150-178; №4. С. 148-212; №5. С. 191-211; №6 С.112-166.
9. Татаринов А.В. Власть апокрифа. Библейский сюжет и кризисное богословие художественного текста: монография, Мир Кубани, Краснодар, 2009, 712 с.
10. Хасан И. После 1945 года // Литературная история США. В 3-х т. М.: Прогресс, 1979. Т.3. С.549-585.
11. Шульженко В.И. Городское пространство и кризис межкультурной коммуникации // Русский язык и межкультурная коммуникация. № 1(10)/2011. Пятигорск, Издательство ФГБОУ ВПО ПГЛУ. С. 132-139.
12. Davidson D. Problems of Rationality. Oxford: Clarendon Press; New York; Oxford Univ. Press, 2004. 280 p.
13. Davis R.G. The American Individualist Tradition: Bellow and Styron // The Creative Present; Notes on Contemporary Amer. Fiction. Garden City; Doubleday,1963.P.111-141.
14. Galloway, D. Absurd Hero in American Fiction: Updike, Styron, Bellow, Salinger / D. Galloway // Austin: Univ. of Texas press, 1981. 265p.
15. Lawson L. Cass Kingsolving – Kierkegaardian Man of Despair/ Wisconsin Studies in Contemporary Literature, III (Fall, 1962). P. 54-66.
16. Morris R. & Malin I. Vision and Value // The Achievement of William Styron, 1975. Athens. P. 1-23.
17. Stevenson, D.L. Styron and the Fiction of the Fifties/ Critique, III (1960). P.47-58.
18. Styron W. Those Quiet Dust & and other Writings. N.Y.: Random House, 1982. 450p.